

— Засада, братишки, твоя, ржавая, прётся, — убитым голосом прошипел Алексей, как-то враз сникнув и приобретя виноватый вид.

— Вот, тварина-то, везде найдёт, — сдавленным злым шёпотом подержал его Василий, залезая под днище, изображая, что он весь, с головой, занят ремонтом небольшого колесного трактора для фермеров, с которым и возились мужики.

— Ага, — обречённо и зло согласился Пётр, высокий, поджарый мужик со светло-русыми волосами в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, обнажившими крепкие жилистые руки, перепачканные соляжкой и мазутом. Он слыл на селе хорошим автомехаником: ПТУ всё-таки в районе по молодости закончил, а потом — и техникум в городе; любой железяке мог ума придать, вдохнуть в неё жизнь.

«Во, ржавчина-то, достала!» — зло сплюнул Пётр, отирая руки замусоленной тряпкой, мельком недобро глянув в сторону решительно, как неотвратимое возмездие, приближающейся жены Зойки, тощей, высокой и угловатой, ярко-рыжей от природы с белёсыми ресницами и бровями, которые она всякий раз

после бани подкрашивала чёрной краской, а губы — яркой помадой морковного цвета, который, считала она, очень даже личит ей. От этого её бледное, веснушчатое лицо с тонкими, поджатыми губами, тоже похожее на рыжее, приобретало клоунский вид, но со злым, ядовитым выражением. Одета Зойка была в лёгкое штапельное платье с набивным рисунком в зеленовато-размытых тонах, с короткими рукавчиками-фонариками. Оголённые, худые, с сильно выступающими натруженными синими венами руки её и даже тыльная сторона крупных длинных кистей рук были сплошь покрыты крупными рыжими плюшками, отчего казались как бы слегка припудренными охрой.

Характера эта женщина была более чем сварливого, крикливая, необузданная. Поедом съедала своего мужа, который за это и за её рыжину звал жену за глаза не иначе как «Ржавчина» и побаивался её, стараясь при всяком удобном случае увильнуть из дома, подальше от жены, ремонтируя кому-нибудь из односельчан технику или выполняя в редкие свободные от основной работы часы другую работу по найму или «просто так»,

без денег, по дружбе, за что жена нещадно корила и бранила его, мол, простота-то хуже воровства; вкалывай, дурак, за «спасибо», коли ума заработать денег на стороне не хватает.

Пётр много лет трудился в родном совхозе механиком, отучившись в техникуме, и даже мехмастерскую возглавлял – хороший механик и человек, уважаемый и начальством, и односельчанами. Односельчане жалели Петра и не понимали, как так получилось, что он, добрый, рукастый, дюжий и видный, любая бы девка за него замуж с радостью пошла, а взял, вернувшись после службы в армии, в жёны мегеру. И дружить-то толком он с ней не дружил: не встречался подолгу, как другие влюбленные пары, не гулял с ней под ручку по сельским вечерним улочкам, почти не бывал с ней и на сельских посиделках и танцульках. Женился как-то враз на ней, новенькой, приехавшей с матерью и двумя сёстрами, такими же рыжими, в их сибирское село откуда-то издалека. Мужики, его друзья ещё с детства, сочувствовали Петру, поначалу даже советовали ему развестись, но у Петра с Зойкой уже появились двое сыновей-погодков, как их бросишь?

– Ну чё это за баба такая? – осуждали они Зойку-Ржавчину. – Губы намалюет красным, как упырь, насосавшийся крови, встанет на крыльчке – руки в боки и орёт, командует мужиком, что да как делать, а сама палец о палец по дому не ударит, только и знает зудеть и зудеть – во кила. Как с такой жить?!

В лихие 90-е годы, когда их совхоз, богатое, передовое советское хозяйство, занимавшееся животноводством, полеводством

и выращиванием зерновых, приносивших высокий урожай, развалился, как почти всё в стране, в том числе совхозы и колхозы, и в родном селе работы не стало, Пётр вместе с мужьями двух сестёр его жены и с другими мужиками-односельчанами подался из Сибири, с Алтайского края, в Москву на заработки, вахтовиком. Строили новые ветки метрополитена. Месяц работали в столице, как самые что ни на есть рабы: в жару ли, в холод ли, без выходных и проходных, как говорится; без права взять бюллетень или хотя бы денёк отлежаться, затемпературив, не говоря уж про отгул; с коротким перерывом на обед, который им доставляли, и – никаких частых перекуров. Прораб – осевший в Москве бывший такой же работяга-сибиряк, но чересчур рьяный, и бригадир – из своих же – строго следили за дисциплиной и за малейшее нарушение наказывали рублём. Отвозили и привозили на работу служебным автобусом. Жили по нескольку человек в одной комнате с кроватями в два яруса, с убогой кухонькой на всех, в придачу с тараканами, где поздними вечерами сами готовили нехитрый ужин из полуфабрикатов или варили готовые замороженные пельмени на двух газовых плитах.

Поначалу, от усталости, едва переступив порог комнаты после работы, даже сибирские неизбалованные жизнью работяги валились с ног, падая на свою «шконку», как окрестили они узкие двухъярусные кровати, не имея сил ни раздеться, ни умыться, ни даже поесть. Труднее в это ярмо втягивались ещё не заматерелые, не «заезженные» жизнью парни, даже отслужившие в армии и

вроде бы уже нюхнувшие пороху, приехавшие в Первопрестольную заработать: кто на учёбу в платном вузе, кто на свадьбу, кто на строительство дома, бани или на покупку квартиры. В общем, у каждого была своя причина или цель оказаться здесь. Месяц вкалывали, потом почти месяц отдыхали дома. Ехали, везли семьям кровные, заработанные, ни одного рублика не тратили на выпивку в поезде почти за трое суток поездки. «На дело нужное везу», – думал каждый. Другой спрос, когда из дома ехали на заработки. Даст жена на дорогу рублей пятьсот, от силы тыщёнку – разве это деньги?! Их и пропить не жалко. Вот и пропили всё до копейки, пока ехали до Москвы всей сибирской бригадой в одном плацкартном вагоне. «Заработаем!» – одно оправдание. Правда, Пётр – не из числа любителей приложиться к бутылочке. Он всегда знал меру. И пьяным его никто никогда не видел ни дома, ни в дороге. Пётр в поездке и рад был бы вообще не пить, но как не поддержать компанию своих же корешей – не поймут. Таково уж устоявшееся в мужском сообществе мнение: принять на грудь вместе со всеми, а ни грамма не пьющий – как бы вроде и не свой, на отшибе, чужак, – значит, не вызывающий доверия и уважения.

Другие мужики с радостью возвращались домой. Столица-то, с той стороны, с какой знали её они, добросовестные сибиряки-работяги, умеющие бесхитростно вкалывать до седьмого пота без усталости и передышек, в душе не оставляла ничего хорошего.

– Терпеть её не можем – одна сутолока да молотиловка до отупения, – говаривали они, – как ехать туда – гора высокая.

А Петру поездки на заработки в Москву, хоть он её тоже не любил, были отдушиной, спасением от его Ржавчины. Жалел только малолетних своих сыновей, в душе тяжело с ними расставался и сильно скучал по ним. Мальчишки, казалось, больше были привязаны к нему и любили его даже больше, чем мать, побаиваясь её визгливых криков по всякому пустяку, а то и тумачков за любые их оплошности. Вернувшись из Первопрестольной, он в свободное время спасался от своей благоверной у друзей или на рыбалке. Вместе корпели в гараже – чаще у друга детства Алексея – над какой-нибудь старенькой или, наоборот, вновь приобретённой техникой. Такой «новинкой» для сельских мужиков-вахтовиков стали старенькие трактора, выкупленные у развалившегося совхоза или где-то на стороне, на которых они пахали, борошили и культивировали не только свои, но и соседские огороды; ездили, прицепив прицепы, за грибами, разными ягодами, сеном, за берёзовыми вениками. Приобретение такой штуковины с прицепом каждому обошлось порядка пятидесяти тысяч, а то и больше. Для односельчан, не работающих в Москве, а то и вообще перебивающихся случайными временными заработками, поскольку в их родном бывшем совхозе никакой работы не было, – даже двухэтажное кирпичное здание конторы, стоявшее в центре посёлка, заколотили, распустив всех специалистов: экономистов, бухгалтеров, зоотехников, инженерную и прочие службы заодно с дирекцией, – это было не по карману, потому они и нанимали для своих хозяйственных нужд тех, у кого была такая техника. И владельцам её – приработок, осо-

бенно в весенний сезон. Огород, скажем, вспахать – сто рублей сотка, а у каждого односельчанина самое малое – по десять – пятнадцать соток. Но Пётр не драл цену, брал с односельчан намного меньше. «Неудобно как-то со своих-то по базарным расценкам», – говорил он. За что Ржавчина и тёща поедом его ели:

– Давай, давай, добренький ты наш, вкалывай за гроши; семье-то лишняя копейка в дом не нужна – и так проживут, пушай другие хорошо живут, а мы на них горбатиться будем.

Пётр привык особо не реагировать на бесконечные выпады жены: «Глупая баба, чё с неё возмёшь, кроме анализа», – отшучивался он перед мужиками расхожей фразой. А у самого на душе кошки скребут...

Приглянулась, было, ему одна разведёнка из соседней, в трёх километрах, деревни, у которой как-то огород пахал. Душевная, тихая, симпатичная, одна десятилетнего пацанёнка растит. Пожалел её, стал захаживать, вернее, заезжать на своём тракторочке, помогать по хозяйству; где забор, где сарай или крышу подправит и всё больше и больше засиживаться у неё, даже мыслишка мелькнула: «А не бросить ли опостылевшую свою бабёнку и не сойтись ли с Лидой?» Может, продолжайся их отношения дальше, так бы оно и случилось, да одно мешает – сыновей оставить жалко с такой-то сварливой матерью, от которой и им здорово доставалось: за каждый шаг точила беспрестанно, хотя, конечно же, он бы их не бросил совсем, помогал бы и материально, и всячески поддерживал бы. Да вскоре о том, где он частенько задерживается, стало

известно в семье. На селе ничего ведь не утаишь – всё у людей на глазах, а доброхоты, «радеющие» за нравственность чужой семьи, всегда найдутся. Что тут началось! И жена! И тёща! Хоть беги – и в реку с головой. Обе визжали, как свиньи недорезанные. Рыжие, но выцветшие какие-то, белёсо-блёлкые, со светлыми глазками цвета снятого молока, они и впрямь походили на свинёшек, хотя обе худые, тонконогие, тощие, как жерди, будто заморенные.

– Бросишь семью, – орала Ржавчина, – сыновей не увидишь, дядей чужим для них станешь, и за версту их к тебе не подпущу, а тебе с той потаскушкой всё равно житья не дам, изведу и её, и тебя, помяни моё слово.

– А ты, блудня, в тюрьму засажу, – вторила ей тёща, потрясая костлявыми кулаками поднятых кверху рук. От злости у неё даже потело под мышками, и на затаканном халате образовывались большие тёмные вонючие круги от пота, запах которого тут же наполнял их маленькую летнюю кухню, где они летом в основном обитали и где чаще всего и происходили, вернее, не затихали ссоры. Я те покушение на убийство или изнасилование моё устрою и свидетелей на то достану. Загремишь у меня как миленький в тюрьму на до-о-о-лгий срок, а то ли выдишь оттуда живым и здоровым, то ли нет, ещё не известно: бабка надвое сказала, но посадить – засажу; это, как пить дать, – засажу ты, гада, – убежденно, зло и твёрдо завершала она свою тираду. Тёща раскалившись злостью, как железная ржавая печурка, шастала вокруг зятя, приподнимая худые мосластые плечи и вытягивая вперёд тонкую, с обвислой, обгоревшей

на солнце до красноты кожей шею, выпячивая вперёд нижнюю челюсть со вставными зубами, что делало её похожей на какую-то облезлую старую злобную обезьяну. Она, поджимая тонкие синюшные губы на охряного окраса от сплошных рыжих даже не веснушек, а плюшек на морщинистом лице, зло сверкала из-под наплывших дряблых век маленькими свинными глазками. Отвратительную эту картину убийственно дополняли застарело-грязные, потрескавшиеся от времени, когда-то розовые пластиковые шлёпанцы на её худых веснушчатых ногах с такими же грязными, потрескавшимися шершавыми пятками; с покрашенными ядовито-алым облупившимся лаком утолщенными ногтями, давно не стриженными и оттого загибающимися книзу, с траурной окаёмкой вокруг. Эту отвратительную картинку неприятно дополняли потные круги под мышками на застиранном полинялом ситцевом халате и вечные семечки в его карманах, шелуху от которых она в промежутках между руганью отплевывала налево и направо; истончённые от частого обесцвечивания кудлатые пряди былой мелкой химии; резкий пронзительно-надтреснутый голос. Всё это делало ещё более омерзительным и отталкивающим её облик. «До чего же противна – смотреть тошно, и страшно, как смерть. И такая-то родней мне приходится, – глядя на неё в эти минуты, невольно содрогался Пётр. – Не видеть бы её, пропасти-ну, не слышать; хлопнуть дверью и бежать, бежать, не оглядываясь, куда глаза глядят, или долбануть её со всей мочи, штоб – в лепёшку и растоптать, растоптать». И такие скандалы – каждый день. Зажра-

ли мужика настолько, что Пётр вынужден был дать слово и даже детьми поклясться, по требованию благоверной супруги и тёщи, что больше никогда не будет навешиваться к той женщине, которую иначе как потаскушкой и б. они и не называли.

– Нашёл, тоже мне, себе цацу безмужнюю, разведёнку-потаскушку! Добренькие-то бабы все при мужьях, при семье, за мужиков-то своих держатся – не разводятся чуть чево, – нравouchила тёща. – Глянь вон на свою-то жену: где она?! Али чужих мужиков заманивает? Нет, она, как есть порядочная и честная, дома сидит, при детях, при хозяйстве, при муже. Честь свою семейную бережёт, а ты, кобель ненасытный, на других зыришь, на сторону норовишь сбегать, бессовестная твоя морда, чтоб ты сдох.

– Сдохну, кто ж вас всех кормить-то будет? – попытался отшутиться Пётр, чтобы смягчить обстановку, но этим только усилил тёщину ярость.

Зойка даже бегала громить в то село бедную Лиду: выбила стёкла в окнах её дома, материла хозяйку, разнеся её в пух и прах, поджечь грозилась, не обращая никакого внимания на то, что Лида уверяла, что между ней и Зойкиным мужем ничего такого не было; просто, как и другим, помогал по хозяйству – огород пахал за деньги. Наверное, и побила бы Лиду, волосы бы ей повыдрала, как водится у баб, но та вовремя заперлась в доме.

После этого случая, Пётр, понимая, что его жена не оставит в покое беззащитную, смирную Лиду, запретил себе бывать у неё, несмотря на то, что сердце-то болело и ныло и звало его к ней. И даже, когда рядом пахал кому-

нибудь огород, проезжал мимо её дома, хотя Лидин огород стоял непаханным. А она в тайне, боясь даже себе самой признаться в том, ждала его и надеялась, что Пётр заедет и к ней, потому не нанимала других пахарей, но сама, после Зойкиного визита к ней, не решалась его позвать. И её сердечко, – как-то так само собой случилось, – потянулось к нему, но Пётр так и не заехал ни разу, приказав себе навсегда забыть дорогу к ней, чтобы не накликать беды на её голову со стороны своей неукротимой супружницы.

– И каким худым ветром к нам в село эту семейку жалючих ос занесло?! – нередко говорили односельчане. – Троих мужиков загубили. И каких мужиков!..

Оно и впрямь так было. Приехала эта семья, – три рыжеволосых, как огонь, и конопатых, сплошь покрытых веснушками-плюшками сестры с такой же рыжей матерью, как говорили, откуда-то издалека, с Поволжья, что ли. Все четверо, худые, сварливые, высокие и сутуловатые, с вытянутыми охрыными лицами, по национальности, мол, вроде нерусские какие-то, но в селе национальностям никакого значение не придавали – был бы человек хороший. В мире и дружбе здесь издавна жили люди разных национальностей. Все три девки как-то быстро вышли замуж за местных парней, путёвых, работающих, непьющих, из хороших семей. На селе диву давались: своих девчат, что ли, мало! Вон, мол, нашинские-то какие скромные, добросердечные красавицы, и к труду, и к уважению мужа как главы семейства сызмальства приучены на родительских примерах. Оно ведь известно: каковы родители – таковы и дети. В какой

семье, при каких в ней взаимоотношениях между отцом и матерью, между родителями и детьми выросла невеста, тот же образчик и в свою будущую семью возьмёт. Каждая с радостью пошла бы замуж за любого из этих ребят, и жили бы душа в душу. И такие-то славные женихи, а на кого обзарились?! На рыжих скандалисток. Видно, поманило то, что подкатившие невесты были новенькими на селе. Свои-то девчата вроде как уж примелькались: все с раннего детства друг друга знают: вместе росли, бегали на речку купаться, играли, в одной школе учились – как родня уже стали. Приезжие-то девки всегда сельских парней особо привлекают.

Кто-то считал, что этот рыжий клубок ос знает привороты, вот и присушили, мол, хороших парней. Другие были уверены, что рыжие самки обладают сами по себе какой-то магической неведомой притягательной силой. Парень или мужик свяжется с такой, рыжей, и – не отлипнет. Обращает она его, доведёт до загса, как пить дать. А кто-то полагал, что рыжухи заарканили смирных ребят своей напористостью и наглостью. А иные так вообще усматривали в этом некую фатальность. Мол, парням так на роду написано было: давно в народе замечено, что хорошим ребятам плохие жёны достаются. Бог, судьба ли якобы такое даёт для равновесия: плохой-то с плохим не уживётся. В общем, долго будоражило село по этому поводу. «Ох, и повесили же себе ребята хомуты на шею; теперь хоть плачь да ходи в этом ярме. Жена – не руковица: с белой ручки не стряхнёшь да за пояс не заткнёшь. Попали наши олухи, как кур в ошип», – судачили сельчанки. Во всех трёх семьях,

где заправляли «рыжие бестии», были дети. Мужики рукастые: все трое построили новые дома, завели справное хозяйство. Не было главного – лада в семьях. Недаром говорят, что жена – судьба мужчины. Но у всех троих мужчин доброй судьбы не сложилось из-за сварливости и скандальности их необузданных жён, да ещё и с тёщей-пилой в придачу, любившей в каждой семье её дочерей всех «строить» и «наводить порядок». Все три сестры, как и их мать, были настоящими ржавчинами, беспрестанно точившими своих мужей. А тёща – третейским судьёй, но подливающим масло в огонь то в одной, то в другой семье. Мужики из-за детей, какой-то сковавшей их робости, подавленности и собственной порядочности были просто беззащитными, «тряпками» перед своими жёнами и тёщей, объединившимися в свору и стаей набрасывающимся на мужиков, если вдруг возникало какое-то серьёзное дело или скандал в какой-то из семей. Так все и жили уже почти десять лет.

Все трое мужиков, доведённые своими рыжеволосыми жёнами почти до отчаяния и утраты мужского «куража», дающего силу и уверенность в самом себе как в личности, в тайне мечтали об иной жизни, иной жене, но никто, жалея своих малолетних детей да боясь, что тёща в тюрьме сгноит, как она грозилась, не отваживался на такой решительный шаг. Так и тянули все лямку, не видя никакого просвета впереди.

Односельчане, даже самые закоренелые местные скандалистки, не связывались с рыжими бестиями, боясь быть поруганными, а то и побитыми.

– ..Счас приду, – буркнул Пётр в ответ на крик своей Ржавчины по поводу того, что он опять засел в чужом гараже на весь день и до ночи. – Иди уж, иди отседа; не позорься сама и меня не позорь, я – следом приду.

Пётр снова засуетился вокруг трактора. Его приятель, стоявший рядом, как-то вдруг прижухнув и втянув голову в плечи, украдкой кивнув в сторону Ржавчины, злым полушёпотом процедил, выражая тем самым сочувствие и поддержку другу и как бы показывая, что он на его стороне:

– Во, заноза, не уходит, стоит, ждёт...

Пётр приподнял голову, глянул в сторону жены и в сердцах сплюнул:

– Вали, сказал, отседа, чё стоишь? Припёрлась! Я те чё?! Пятилетний мальчик, што ли, штоб за мной ходить? Пила ржавая! Мало ей дома зудеть, так ишо по людям ходит!

– А ты давай, давай, поживей шевели батонами, нечево шляться по дружкам, – огрызнулась Ржавчина, погрозив Петру пальцем, развернулась и нехотя пошла восвояси, давая понять, что поджидает его.

Пётр, наскоро, нервно отерев тряпкой мазутные руки, было дёрнулся за женой, но потом, будто вмиг приняв иное решение, тормознулся, неспешно закурил и прокричал ей угрожающе в спину:

– Не командуй тут, командирша ржавая, пока не повыдрал твои рыжие лохмы; приду, когда дело закончим, поняла?!

– А-а-а!!! – только и смогла она, резко обернувшись, проповить от возмущения, было метнувшись назад, но, видя не пришибленное какое-то, как обычно в моменты её

криков и ругани, а решительное и даже свирепое выражение на лице мужа, того и гляди готового броситься на неё с кулаками и как бы только и ждущего к тому повода, топталась не месте, не отваживаясь вернуться.

– Да хоть оборись и лопни от своей злобы, кила моржовая, а я, как сказал – так и будет! И – точка! – жёстко, твёрдо бросил Пётр и, обратившись к другу, спокойно произнёс: «Ну её, не обращай вни-

мания. Ржавчина она и есть Ржавчина! Сварочный аппарат тащи, заварить тут маленько надо...»

Р. С. Эту историю о своих соседях мне поведал в поезде № 136, Москва – Барнаул попутчик из Троицкого района Алтайского края, показав их фото на своём ноутбуке – так родился этот рассказ, конечно, уже литературно обработанный.

*Открытие бюста-памятника А.С. Пушкину
г. Бийск, 29 июня, 2018 года*

Анатолий
Кирилин

Виктор
Буланичев

Сергей
Козубенко

Геннадий
Иванов